

Город маминого детства

Встреча с Новороссийском оставила в моем сердце неизгладимое впечатление.

В глубокой чаше Цемесской бухты лежит сверкающее синее море. Волнистая цепь гор тянется к далекому горизонту, теряясь в лиловой дымке.

Этот морской город-порт живет и ночью. Бухту пересекают в разных направлениях быстро бегущие огоньки катеров. Медленно, невидимо в ночи двигаются баржи, и только мигающий огонек предупреждает в темноте: осторожно, место занято. В черном маслянистом стекле бухты идет таинственная жизнь огней.

У пассажирской пристани яркий свет, громкая музыка, и прощальный бас пароходного гудка — провожают белую громаду пассажирского парохода.

Нам, пассажирам, долго вспоминалась сверкающая огнями бухта и огромная гордая птица с перебитым крылом — баклан. Как изваяние несколько суток недвижно стоял на парапете набережной израненный баклан. Готовый умереть в неравном бою, он иногда настороженно поворачивался «лицом» то к лаявшей на него собаке, то к слишком близко подбежавшим мальчишкам.

Но вот настал день, когда он, срезая крыльями пену волн, отважно ринулся ввысь. Баклан этот на новороссийской набережной запомнился как символ непостижимой стойкости.

Встречала нас знаток Новороссийского края, заслуженный деятель культуры Галина Алексеевна Крымпоха.

Она увлеченно показывала город, который мама моя, уехав из него в 1932 году учиться в Ленинград, узнавала и не узнавала.

Красивый город! В нем цветут розы. Клены отбрасывают узорчатую густую тень на залитые солнцем бульвары.

Ночью в глянцево-черной воде бухты как в огромном овале зеркала отражается ожерелье ярких огней, бегущих по набережной.

Наше прошлое не проходит. Мы же, встречаясь с ним, начинаем многое понимать по-новому. И как будто проживая сразу несколько жизней, становимся богаче — мудрее и добрее...

Старинные дома розово-песочного цвета сохранились на бывшей Раевской улице, названной в память об одном из основателей Новороссийска — генерал-лейтенанте Н. Н. Раевском.

На Серебряковской, названной в память о другом основателе города, — адмирале Л. М. Серебрякове, — дома с арками, нишами, вазами и лепными гирляндами цветов на фасадах.

В Новороссийске творил замечательный зодчий С. Калистратов, оставивший роскошное архитектурное наследие в черноморском курорте Ялта.

К архитектурным достопримечательностям Новороссийска относятся Городской дом и «Дом с орлом» — резиденция губернатора.

Кафельные плитки «Дома Юкилиса» далеко видны среди густой зелени. Сейчас потомки его хозяина, занимавшегося табачным и виноградарским делом, живут в Петербурге, а в самом доме — филиал Краснодарского политехнического института.

Романтически смотрятся островерхие башенки с узкими окнами-бойницами у входа в Городской сад (ныне Парк культуры и отдыха), в котором в 1912 году был построен деревянный трехярусный театр на 1000 зрителей.

Театральные традиции в Новороссийске давние и глубокие. Сюда приезжали А. Чехов, В. Мейерхольд, В. Вишневский.

Местные краеведы утверждают, что именно в Новороссийске Антон Павлович Чехов предложил руку и сердце своей будущей жене Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой.

В Городском саду играл симфонический оркестр.

В театре выступали выдающиеся мастера русской сцены Л. Собинов, В. Качалов и др.

Бабушка моя рассказывала, что видела в Новороссийском театре «Нору» («Кукольный дом») Генрика Ибсена в первоклассном исполнении, спектакль произвел незабываемое впечатление.

Перед поездкой в Новороссийск мне попались воспоминания о Мейерхольде, где говорилось, что его постановка «Норы» с участием А. В. Богдановой в заглавной роли и Д. Н. Орлова в роли доктора Ранка была театральной сенсацией сезона.

Моя мама — «Машенька» — в ту пору была еще мала для «Норы», но она ходила с Лерой и Натой Афиногеновыми в Городской театр на представления лилипутов.

А потом в Городском саду все трое торжественно усаживались за столик и заказывали мороженое «три порции по полпорции».

В Геленджик приезжала петроградская труппа с начинавшим тогда артистом Борисом Тениным. Это была буффонада с большим количеством трюков, акробатических номеров, множеством костюмированных преобразований, и бабушка моя и мама запомнили Тенина еще с того времени.

За творчеством этого актера, — одного из лучших в мировом кинематографе комиссара Мегрэ, — они потом внимательно следили на сцене Ленинградского театра комедии, не пропуская ни одного спектакля с его участием.

Уже значительно позже, в эвакуации, в Сталинобаде (Душанбе) они узнали, что сюда по военным дорогам в глубокий тыл приехал на гастроли Ленинградский театр комедии и их любимый артист Борис Тенин. Встреча с ним была дорогим приветом с родины!

Вся наша жизнь это встречи и расставания, любовь и разлука. И только встречи, даже вопреки неизбежным расставаниям, делают нашу жизнь прекрасной...

В Новороссийске у меня произошла необычная встреча. Сидя вечерами на берегу моря, я заметила человека, который неотрывно несколько дней подряд читал какую то книгу, я была убеждена, что детектив. Вдруг он повернулся ко мне:

— Вы ленинградка? Ленинградцев сразу видно. Вот попалась мне книжица, которой я очень порадовался, о Петропавловском соборе... Знаете на Заячьем острове? Называется «Петропавловский собор — памятник русской морской славы» — вот так! А то мы стали забывать, что мы морская держава еще со времен Петра Великого... Прекрасная оказалась книга... И на исторических архивах основана...

Он говорил что-то еще, но я уже не могла его слушать — я знала, что кроме моей книги о Петропавловском соборе не выходило ничего более 150 лет.

Он протянул мне книгу — так и есть — мой «Петропавловский собор»! Я еле удержалась, чтобы не крикнуть: «Да это же я написала! Я!»

— Но вы ее держали в руках? — укоризненно спрашивал он, и я поняла — это педагог, учитель.

Перелистывая знакомые страницы, я улыбалась, как улыбаешься, встретив давнего доброго друга. Теперь я с интересом слушала, за что собеседник хвалил мою книгу.

Когда пишешь, не видишь своих читателей, к которым обращаешься. Какой он, твой читатель, как он будет читать эти страницы? Что чувствовать? Пишешь обычно ночью, когда нет суеты, забот и звонков, вдали одно какое-нибудь окошечко светится. Весь город спит, и ничто уже для тебя не имеет значения, кроме твоей рукописи...

Это был мой первый читатель, с которым я познакомилась так далеко от Петербурга и от самого Петропавловского собора. Потом с читателями я встречалась в библиотеках, музеях, в доме ученых. Твои читатели и твои ученики. Наверное, нет больше радости, чем встреча с ними.

С тех пор каждую свою новую книгу, увидевшую свет, я посылаю в Новороссийскую библиотеку.

Здание библиотеки находится в центре города, рядом с гостиницей.

Мы ознакомились с книжными фондами Городской библиотеки, с ее каталогами и читальным залом.

На фасаде библиотеки мемориальная доска — мраморная книга и бронзовый подсвечник, — выполненная современным скульптором Суворовым.

Город заботится о сохранении своих культурных традиций, о передаче их молодому поколению.

Не раз съезжались сюда со всех концов Советского Союза «новороссийцы 1920–1930 годов». Замечательно деятельные эти молодые сердцем старые новороссийцы. Их встречала пресса, молодежь. «Дорогой Марии Владимировне Нарышкиной от учеников 8 „А“ класса средней школы № 16» — написано на комплекте открыток «Новороссийск — Город-Герой».

Мы хотели поклониться могиле маминой мамы Марии Петровны Прокудиной-Горской.

Прошли мимо отреставрированного собора, поднялись в гору.

Сели на придорожный камень с пятнами лишайника и прочитали странички маминого старого дневника:

Дорога на кладбище шла через поселок греческих беженцев, который называли тогда в Новороссийске „Трапезунд“.

Странное впечатление производил этот поселок. Располагавшийся на голом полугорье, где не было ни кустика, ни деревца, только козы, за рога привязанные к кольшкам, вбитым в землю. И хатки с лавками у входа, и дорожки к колодцу — все было вымазано желтой глиной.

Старые гречанки, одетые во все черное с ног до головы, сидели каждая на своей лавочке возле хатки и вязали из козьей шерсти, позвякивая спицами. Лица у них были темные и грустные.

Полинька (Пелагея Петровна Нарышкина, сестра Марии Петровны Прокудиной-Горской) останавливалась поговорить с этими женщинами, казалось, мрачными и печальными. Но потом оказывалось, что эти женщины-гречанки знают Полиньку, так как у нее учились их внуки.

Знали они и сестру милосердия Марию (Марию Петровну Прокудину-Горскую), в то время многие болели, лежали в тифозных бараках. Там они и лечились у Марии Петровны: „Хорошая была сестрица“.

А когда узнавали, что Маша ее дочка, торопились ее хоть какнибудь приветить, угостить „сиротку“:

— Молочка баночку тебе налью? Козочкино будешь пить?

И рыбки вяленой предлагали. Полинька всегда отказывалась. Но сушеной травки, которая „от озноба“ и кашля, соглашалась взять.

Женщины же тем временем продолжали рассказывать, душу свою изливая: „Сын мой лежал в тифу в палате у мамочки твоей“, — обращались они к Маше.

А у кого и вся семья была в тифу, и „сестрица Мария выхаживала. Сердце ее — золото. Заботливая очень, ласковая“...

И Полинька с Машей уходили из желтого поселка, словно с мамочкой поговорили...

Все проходит. Но то, что нам дорого, не покидает нашего сердца.

Пока живем — любим. Любим тех, кого уже нет с нами. Любовь сильнее разлуки и даже смерти.

Желтый поселок «Трапезунд», мимо которого шла дорога на кладбище, уже не существует в Новороссийске, даже названия его никто не помнит.

Но греческие семьи продолжают жить в этом городе.

На центральном бульваре установлен бюст дважды Героя Советского Союза, генерал-майора авиации, заслуженного летчика-испытателя СССР Владимира Константиновича Коккинаки, грека по национальности, родившегося в Новороссийске.

Это человек-легенда. Он испытал свыше 60 новых типов самолетов, причем испытывал их первым. После него не боялись садиться в самолет.

Награжден 16 орденами, золотой медалью Международной авиационной федерации и ожерельем с бриллиантами «Роза ветров».

О Владимире Коккинаки рассказывают в Новороссийске как о храбром испытателе и человеке редких душевных качеств. Приходил на все встречи новоросийцев 1920–1930-х годов, делая их радостными и душевными.

Характерной чертой нового незнакомого моей маме Новоросийска явилось множество памятников, памятных знаков, мемориальных досок...

Каждая улица, каждый дом был отвоеван в смертельных боях Великой Отечественной. На бульварах, на набережных, на площадях обелиски и скульптуры — вечно живущие зримые образы прошедших здесь героических событий.

Даже окраина города, выступающая в открытое море, называемая прежде «Косой» и Станичкой, где когда-то жили Пелагея Петровна и Леонид Никитич Нарышкины, теперь известна всему миру как героическая Малая земля.

Беленых домиков в цветущей зелени абрикосов и вишен сохранилось на территории бывшей Станички совсем немного, они уютно белеют в глубине садов. Круги алычи, упавшей с деревьев и лежащей на земле вокруг стволов, напоминают золотые нимбы, которые указывают дорожку к крылечку из нескольких ступенек.

Недалеко от того места, где, по маминым соображениям, стоял когда-то домик, в котором жили Нарышкины, сейчас здание современной гостиницы.

Мы останавливались в этой гостинице несколько раз, и всегда маму мою, уже очень немолодую женщину, встречали здесь приветливо и заботливо.

Мне хотелось бы от всего сердца сказать спасибо новоросийцам, с которыми мы встречались. Они как будто чувствовали мамину боль и любовь к городу и были очень сердечны...

Рядом с гостиницей сейчас находится детский развлекательный комплекс, детишки плещутся в воде, высоко подпрыгивают в воздух на батутах и требуют от своих родителей «мороженку».

А в годы Великой Отечественной войны совсем недалеко от этого места под шум бушующих волн высадился ночью наш десант под командованием Цезаря Куникова.

Он сразу же попал в шаривший луч вражеского прожектора. Совсем молодым ребятам, защитникам Новороссийска пришлось вступить в бой с первых шагов. Земля взрывалась у них под ногами. Прикрытия не было. Они кидались в немецкие траншеи прямо на каски фашистов.

К рассвету вся такая мирная, когда-то уютная земля Станички была перепажана. Волны колыхали останки разбитых катеров и трупы наших моряков, так и не успевших прийти на помощь своим товарищам.

Ветер гнал брызги по шипящей земле...

Цементные заводы, элеватор, ремонтная верфь, железная дорога — были отбиты у фашистов. Победа — Великой ценой.

225 дней куниковцы, матросы, цементники вели смертный бой за родную землю...

После войны новороссийцы захотели увековечить память пылающих дней.

У цементных заводов, там, где шли кровопролитные бои, поднята над шоссе гигантская стела. Крепкие руки защитников сжимают автоматы стволами вниз...

На Площади Героев покоится прах Героев Советского Союза Цезаря Куникова, Николая Сипягина, Сергея Каданчика и других воинов.

Вблизи их могил слышен рокот прибоя. Чайки и бакланы, кружась над водой, кричат горестно и пронзительно, как бы напоминая о не проходящей боли потери.

Звучат городские куранты, исполняя реквием в память бесстрашных новороссийцев.

Музыку написал специально для Новороссийских курантов выдающийся композитор, автор известной на весь мир Ленинградской симфонии — Дмитрий Шостакович.

Весь день показывали Дмитрию Шостаковичу этот черноморский город, а утром он принес партитуру Новороссийского рек-

виема. За ним сохраняется авторское право. Эта мелодия звучит только здесь, только на площади павших Героев в Новороссийске.

Впитывая в себя память о величии своих дедов, новоросийцы новых поколений не могут не сознавать себя причастными к историческим свершениям своего города.

Великой Отечественной войне посвящена диорама, передающая все подробности сентябрьских боев 1943 года.

В центре диорамы — Дворец культуры — давняя мечта цементников, — который так и не успел пережить счастливый день своего открытия, назначенный на 22 июня 1941 года.

Во время боев Дворец культуры стал главной цитаделью защитников. После войны он оставлен не восстановленным, как живой памятник, как полуразрушенный Колизей в Риме...

Рядом с ним стоит на пьедестале железнодорожный вагон, словно решето продырявленный тысячами пробоев. Он находился на передовом крае беспрерывных боевых действий.

Трудно даже представить, как жили бойцы, находившиеся в нем, когда от него, железного, остался один сквозной скелет.

Этот вагончик-герой тоже попал в диораму. Память людей была придирчивым контролером изображения событий на каждом, самом маленьком кусочке диорамы.

Мы не только видим события на диораме, но слышим их. Это звуки стрельбы и человеческие голоса. Различаем и стоны раненых и отрывистые, как будто рубленые фразы фашистов, и сообщения Совинформбюро...

В Новороссийске много новых музеев.

Музей цементной промышленности создан стараниями энтузиастов под руководством директора Галины Алексеевны Крымпохи.

В музейных залах представлены первые тачки, в которых возили горную породу мергель с карьера к печам, а также вагонетки, которые, загруженные породой, катили по узкоколейкам лошади.

С «серым золотом» связана вся жизнь Новороссийска и промышленная, и научная, и культурная.

На бывшей Вельяминовской улице жил Дмитрий Иванович Менделеев, занимавшийся химией цемента.

Новоросийский сорт цемента не боится сырости, поэтому всегда был востребован в городе на Неве.

Для глубоких станций его метрополитена также используется новороссийский цемент.

В музейном разделе «Культура» экспонаты самые разнообразные, в том числе фотографии и афиши известной певицы Ружены Сикоры, которая работала упаковщицей на цемзаводе, потом тапером в заводском клубе, откуда ее и направили получать музыкальное образование.

Здесь можно увидеть и фотографии первого заведующего Опытной школы при заводе Сергея Михайловича Афиногенова.

В зале, отражающем события Великой Отечественной войны, выставлена военная продукция, выпускаемая цементными заводами Новороссийска. Это бетонные надолбы и плиты для оборонительных сооружений, противотанковые мины из цемента, гранаты, а так же шиферные тарелки, гипс для медицинских целей и летные очки с дешифрующими стеклами, позволявшими определять цвета маскировочных красок, используемых противником.

Новороссийские цементные заводы изготавливали в годы войны по разработкам военных хирургов медицинские инструменты для ампутации.

Хирургический нож врача В. П. Любнева, работавшего в районе цемзавода, за четыре года военных действий источился до такой тонкости, что равнялся лезвию бритвы.

Линия огня проходила между производственными корпусами на территории цементного завода «Октябрь». Как ни теснил цементников, превосходивший в живой силе, хорошо вооруженный противник, защитники не уступили ни одного шага заводской земли.

Стойкость этих людей вошла в поговорку: «цементники тверже цемента».

В музее нашла отражение и героическая эпопея на Малой Земле.

1250 кг раскаленного смертоносного металла было сброшено врагом на каждого ее защитника.

На мемориальном сооружении, созданном из осколков мин, снарядов и авиабомб, которыми была усыпана земля «Долины смерти», — начертаны слова: «Запомни это современник, запомни и передай потомкам!»

Новороссийский музей цементной промышленности стал музеем самих цементников.

Личные вещи хорошо знакомых на заводе людей — чудом уцелевшие фотографии, стихи в кармане гимнастерки, обрывки фраз на клочке, залитом кровью, — открывали в этих людях черты благородства и мужества, не замеченные, быть может, раньше по скромности их характеров.

Здесь перед стендами плакали матери, узнавая о своих сыновьях то, о чем они могли догадываться только сердцем...

* * *

В том же доме, где располагается Музей цементной промышленности, открыт еще один музей. Это мемориальный музей Федора Гладкова, написавшего первый роман о рабочих цементниках Новороссийска.

Федор Васильевич Гладков был давнишним другом Леонида Никитича Нарышкина. Это он привел Пелагею Петровну в Опытную школу при цементном заводе.

Завод притягивал Гладкова с такой силой, что он не мог пройти мимо заводских ворот. Выходил оттуда весь в цементной пудре, словно поседевший. Он писал по ночам и написанные главы слал в Москву.

Рядом, с другого крыльца был Народный дом, где шли занятия ликбеза, которые вели Федор Васильевич Гладков и Пелагея Петровна Нарышкина. В школьных классах за ученическими партами сидели цементники, рабочие порта.

Для кружков самодеятельности Народного дома Федор Гладков писал специальные инсценировки.

Вместе с Всеволодом Мейерхольдом, который в то время заведовал в Новороссийске отделом искусств в городском Совете, составил «Декларацию о трудовой школе», где были изложены новые принципы школьного образования.

В 1921 году по инициативе Максима Горького Гладков переехал в Москву и посвятил все свое время роману «Цемент». Книга была закончена в 1924 году.

Как вспоминал позже сын писателя, одним из первых читателей книги был Максим Горький. Он сказал автору: «На мой взгляд, это очень хорошая книга. В ней взята и ярко освещена наиболее значительная тема современности — труд. До Вас этой темы никто еще не коснулся с такой силой. И так умно».

Новороссийская квартира, в которой размещался Федор Васильевич Гладков с женой, двумя детьми и сестрой жены, превращена теперь в музей.

Это была типичная учительская квартира, заботливо приукрашенная руками жены Федора Васильевича (тоже учительницы) самодельным абажуром, вязаными салфетками, а главное — книгами.

Мама моя считает, что этой квартире-музею Федора Васильевича не достает лишь керосинки, на которой готовился в те времена семейный обед, состоявший почти всегда из блинов или оладьев. «Оладки», как называла их хозяйка дома, жена Федора Васильевича, были главным, да можно сказать, и единственным тогда угощением.

Не достает еще табуретки с маленькой скамеечкой, за которой отдельно от всех обедал Буба.

Этим именем ласково называли младшего сына Гладковых — Бориса. Такое устройство «обеденного места» для малыша было вызвано теснотой.

Я много слышала о детской дружбе Бубы Гладкова и Машеньки Нарышкиной, которая была на полгода младше и все торопилась его «догнать». Но только-только ей исполнится пять лет, как вскоре ему уже шесть, и снова он «старший» и снова его надо «догонять».

Когда, наконец, я познакомилась с «Бубой», была очень удивлена.

Борис Федорович Гладков — солидный человек, военный моряк в чинах, орденах. Встречал в своей московской квартире писательского дома в Лаврушинском переулке.

Принимал хлебосольно, показывал семейные альбомы, мраморный бюст отца, старинный рояль, на котором играла его мама, Татьяна Ниловна.

Мы подружились с ним. Будучи военным человеком, полковником, Борис Федорович именвал меня не иначе как «генералиссимус».

Мы вместе сходили на могилу его отца на Новодевичьем кладбище, положили красные гвоздики на мраморное надгробие. Его выполнил известный скульптор Евгений Вучетич, автор мемориала на Мамаевом кургане в Волгограде.

Когда возвращались с кладбища домой, в лифт вошел, здороваясь, пожилой господин с резкими чертами лица.

Это был Хаммер — «первый капиталист», который приехал в 1920-е годы в Советскую Россию делать бизнес.

Он имел квартиру в писательском доме в Лаврушинском переулке и жил рядом с «первым пролетарским писателем» Федором Гладковым. Какие необычные пересечения встреч и судеб человеческих!

Из окон московской квартиры Бориса Федоровича Гладкова в Лаврушинском видна «Третьяковка», подсвеченные в сумерках соборы и старые московские особняки.

Квартира производила впечатление уютной, интеллигентной, но какой-то пустоватой. Оказалось, многие вещи уже переданы в новороссийский мемориальный музей.

Я предположила, что, может быть, мемориальной лучше сделать эту, московскую квартиру. Борис Федорович возразил:

— Нет, в Новороссийске начало, истоки, там «Цемент».

— Книга писалась по живому материалу в Новороссийске, там и быть музею Федора Гладкова.

В Новороссийске есть и улица Гладкова.

Когда, оказавшись на ней, я спросила, в честь кого она названа, молодые новороссийцы отвечали вразнобой:

— Здесь писатель жил; он о нашем заводе книгу написал.

— У него жена учительница Новороссийску помогала;

— Его сын, Гладков Борис в войну Новороссийск защищал, разведчиком был.

— На Малой земле воевал.

Борис Федорович производил впечатление настолько светского человека, — остроумный, наизусть знающий почти всю русскую классику, блестяще играющий на рояле, — что я не могла поверить, что он был разведчиком.

Борис Федорович засмеялся в ответ:

— Штирлиц тоже музыку любил. А вообще хорошим бы я был разведчиком, если даже Вы «вычислили» бы меня с первого взгляда.

Он был морским разведчиком, плавал на «Морском охотнике», подвозя по ночам к Малой Земле из Геленджика (где была база десанта) военное снаряжение, питание, медикаменты. Переправлял раненых на Большую землю.

Рассказывал по мужски сдержанно, из скромности считая свое личное участие незначительным.

Однако новороссийцы знают его бесстрашие в подмоге для куниковского десанта. Не раз его «Морской охотник» попадал в самые, казалось бы, безвыходные положения, не раз прямой наводкой било по нему вражеское оружие.

Сейчас в Новороссийске, на песчаной отмели, куда первым ступил Куников, воздвигнут мемориал. Это и ему, морскому разведчику Борису Федоровичу Гладкову, посвящен мемориал.

Далеко виден с набережной и приморских улиц нос легендарного корабля, того, который высадил здесь десант.

Поднимаясь по ступеням мемориала, мы слышим, как мерно бьется в веках сердце.

Это одно общее сердце — сердце десантников, сделавших невозможное возможным, — и наше, замирающее от восхищения и благодарности.